

УДК 93

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-4-849-857

Оригинальное исследование

Бытовая сказка как аксиологический источник по воззрениям крестьян на барина и его власть в русской деревне

Шаповалов В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема представления бытовой сказки в качестве аксиологического источника. Бытовая сказка не может рассматриваться в качестве исторического источника в его классическом понимании, так как в ней действующие персонажи в своих поступках и проявлениях находятся на грани фантастики. Сказка остается сказкой. Но авторы бытовых сказок для привлекательности и придания сословной узнаваемости сказочных героев включали в их образ аксиологические установки соответствующего ценностного плана. Именно эти аксиологические нюансы имеют важный исследовательский интерес. В частности, какие аксиологические доминанты характеризовали сказочного барина и что этим хотели подчеркнуть авторы сказок. В бытовых сказках спектр поведенческих моделей барина довольно широк, что подтверждает отсутствие трафаретности в изображении барина в контексте сосуществования его со своими крестьянами.

Ключевые слова: бытовая сказка, аксиология, барин, мужик, поведенческая модель

Для цитирования: Шаповалов В.А. 2022. Бытовая сказка как аксиологический источник по воззрениям крестьян на барина и его власть в русской деревне. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 849–857. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-849-857

Everyday Fairy Tale as an Axiological Source According to the Views of the Peasants on the Master and his Power in the Russian Countryside

Vladimir A. Shapovalov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308007, Russia
E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the problem of presenting an everyday fairy tale as an axiological source. A household tale cannot be considered as a historical source in its classical sense, since the characters in it in their actions and manifestations are on the verge of fantasy. The story remains a story. But the authors of everyday fairy tales, for the sake of attractiveness and giving class recognition of fairy tale characters, included axiological attitudes of the corresponding value plan in their image. It is these axiological nuances that are of important research interest, in particular, what axiological dominants characterized the fabulous landlord and what did the authors of fairy tales want to emphasize. In everyday fairy tales, the range of behavioral models of the master is quite wide, which confirms the lack of cliché in the depiction of the master in the context of his coexistence with his peasants.

Key words: everyday fairy tale, axiology, landlord, peasant, behavioral model

For citation: Shapovalov V.A. 2022. Everyday Fairy Tale as an Axiological Source According to the Views of the Peasants on the Master and his Power in the Russian Countryside. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 849–857 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-849-857

Введение

Фольклорные тексты в ходе исследований часто используются в качестве различных источников, включая исторические. Но это не относится ко всем фольклорным жанрам, в частности к сказкам. Это вполне правомерно, ведь сказка – выдуманная история, сюжет которой выходит за рамки реальной действительности. Даже бытовые (новеллистические) сказки, в которых нет волшебства, а героями выступают традиционные субъекты деревенского социума (барин, поп, мужик, и т. д.), остаются сказками. Социальные аспекты искать в них бессмысленно. Но аксиологические доминанты, приписываемые сказочным героям сказителями, могут дать исследователю множество нюансов социо-психологического плана для анализа взаимоотношений, в частности, барина и мужика.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются аксиологические установки, закрепленные авторами бытовых сказок за образами сказочных бар. Данные установки подчеркивают мировоззренческие доминанты крестьян на барина и его вотчинную власть, пусть даже они показаны в саркастическом дискурсе.

Методы исследования. Контент-анализ при работе с фольклорными текстами; реконструкции – погружение в описываемый в фольклорных текстах культурный быт, ценностные мировоззренческие ориентиры фольклорных персонажей; ретроспективный – воссоздание логики сюжетной линии, в контексте аксиологического подхода, по отдельным деталям; историко-сравнительный, историко-системный и демографический (нарративный).

Результаты и их обсуждение

Специалисты по фольклору, в частности С.Ю. Неклюдов, справедливо отмечают, что соотношение фольклорных текстов с внетекстовой реальностью, включая исторические события и персоналии, является одной из центральных проблем науки о фольклоре [Неклюдов, 2007, с. 77]. Споры идут о реальности событий и лицах, отраженных в фольклорных текстах. Данный дискурс представлен в работах В.Я. Проппа, Ю.И. Юдина, Б.Н. Путилина, В.П. Аникина, Е.А. Костюхина, С.Э. Ермакова, Д.А. Гаврилова и др. [Пропп, 1976, с. 83–116; Юдин, 1998, с. 5–6, 25; Путилин, 2003, с. 61–119; Аникин, 2004, с. 479; Костюхин, 2004, с. 9–12; Ермаков, Гаврилов, 2019, с. 17–18]. Основной проблемой в данном контексте является невозможность рассмотрения фольклора в неких однозначных категориях. Фольклорные тексты по-разному трактуют на разных стадиях развития общества и в различных конкретно-исторических, хозяйственных, культурных условиях. Здесь же необходимо учитывать этнический фактор [Путилин, 2003 с. 61–62]. Чем дальше от нас по времени исторические события и персонажи, тем более они мифологизированы в устной традиции, часто соединяя в себе различных героев и их деяния, несмотря на серьезные хронологические и географические удаленности между ними. То есть устное эпическое повествование – не совершенная фиксация исторических событий, не весьма оправданный способ хранения информации, а конструирование из исторических воспоминаний своего эпического мира, «эпической модели истории» [Неклюдов, 2007 с. 78].

Отсюда работа историков с фольклорными текстами весьма сложна, многопланова, полна противоречий и различных аналитических нюансов. Тем не менее фольклорные тексты используются исследователями в качестве различных источников, ведь данные текста являются производной коллективной устной традиции, несущей в себе огромные пласты различной информации.

Особое место в рассматриваемой проблеме занимают сказки. Сказка выгодно отличается на общем фоне фольклорных источников. Она не столь архаична по языку, как былина, более компактна, при этом объемнее прибауток, пословиц и поговорок. Сказка име-

ет широкое распространение, множество вариантов и притягательность для всех возрастов и социальных групп [Ермаков, Гаврилов, 2019, с. 5–6]. Особый интерес вызывают бытовые (новеллистические) сказки, на них приходится 60 % всех сюжетов, на долю волшебных – 30 %, а на долю сказок о животных и близких к ним – 10 % всех зарегистрированных сказочных сюжетов [Бахтин, 1987, с. 5–6]. Это связано с тем, что в бытовых сказках воспроизводятся картины обыденной жизни – без чудес, характерных для волшебных сказок, и без комического маскарада, свойственного сказкам о животных [Костюхин, 2004, с. 128]. Слушатель как бы оказывается в рамках привычной повседневности, внимая рассказчику и следя за перипетиями сюжета, в связи с чем В.Я. Пропп подчеркивает: «Эти сказки могут служить средством изучения крестьянского мировоззрения и крестьянской житейской философии» [Пропп, 2000, с. 284].

Несмотря, на первый взгляд, на обыденность сюжетов бытовой сказки, присутствие в ней в качестве сказочных героев основных субъектов сельской повседневности, сказка не может служить историческим источником. Ведь сказка – это устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера [Соколов, 2007, с. 334], главной особенностью которой является нереальность сюжета, выдуманного для развлечения, поучения и вызова смеха (сказка-анекдот). Такое предназначение сказки отражается в народных пословицах и поговорках: «Сказка – складка, песня – быль» [Пословицы, поговорки, загадки, 1961, с. 164], «Быль за сказкой не угонится», «В сказках всё есть, да в руках ничего нет», «Сказка – ложь, а песня – правда» [Русские народные загадки, пословицы, 1990, с. 322–323], «Рассказывай сказки, ври больше», «Сказочное приданье» [Даль, 1998, Т. 4, с. 190]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова второе значение (разговорное) слова «сказка» – выдумка, ложь [Ожегов, 1990, с. 716]. Но не все слушатели соглашались с подобными трактовками сказки. А.И. Никифоров в конце 1920-х гг. отмечал, что на Севере и Востоке СССР ещё много людей, которые верят в реальность сказочных сюжетов. На вопрос о правдивости сказок встречается еще ответ: «А бог вещь, может, и было» [Никифоров, 2008, с. 46]. При этом указывается на значительное количество населения, воспринимающего сказку в качестве выдумки. С.Э. Ермаков, Д.А. Гаврилов объясняют веру в сказку тем, что в них верят обычные люди, в которых нынешнее безжалостное и бездушное бытие не смогло уничтожить тоску по священному и стремление к чему-то большому, нежели культу и ценностям потребительского общества. Сказки напрямую обращаются к нашему глубинному «Я», к подсознанию и его лучшим качествам [Ермаков, Гаврилов, 2019, с. 47–48]. Вера в сверхъестественное просматривается в «быличках», в которых рассказывается о встречах с ожившими утопленниками и мертвецами, ведьмами, различными оборотнями и т. п. Это является отражением архаичных пластов в человеческом сознании [Олсон, Адоньева, 2021, с. 379–391]. Даже сегодня, в большей степени в сельской местности, можно встретить рассказывающих и верящих в былички, и это характерно для различных возрастных групп.

Но данные объяснения затрагивают лишь частично рассматриваемый вопрос. Бытовая сказка могла вызывать интерес у слушателей, а в отдельных случаях – и веру в сюжетную линию, если сказочные герои в своих поступках применительно к сословному статусу были узнаваемы и несли на себе отпечаток социального подтекста. Барин должен выглядеть барином, поп – попом, мужик – мужиком, даже если они показаны в комичных образах, вызывающих смех. В противном случае отсутствие возможности соотносить их образы с традиционными субъектами деревенской жизни снижало бы интерес у слушателей, лишало возможности осмысленного переживания за судьбу сказочных героев, проецируя на себе их поступки, исходя из собственного жизненного опыта и воззрений на будущее.

Сказочные герои бытовой сказки показаны в рамках различных поведенческих кодов (программ), в той или иной мере соответствующих их сословному статусу. Это обусловлено стандартизацией поведения. В соответствии с социальной организацией в сфере «заданного» поведения выделяются различные типы: поведение крестьянина, воина, ремес-

ленника и т. п. [Байбурин, 1993, с. 6]. При этом необходимо учитывать, что целые слои и группы общества имели свои модели как «правильного», так и «неправильного» поведения (например, многократно описанный «сценарий» купеческого загула), причем второй тип поведения в историческом контексте не является новацией. Во всяком обществе и во все времена первый тип поведения перемежался вторым, ярким выражением которого был ритуал или праздник [Там же, с. 8]. Создатели бытовых сказок, стремясь показать специфику поведенческих стереотипов, учитывали это, но исходя из сказочной фабулы через конкретные поступки сказочных героев усиливали акцент то на «правильном», то на «неправильном» поведении, придавая тем самым определенные смысловые характеристики и ценностные ориентиры сказочным героям.

Наряду с крестьянином барин был одним из центральных героев в народных бытовых сказках. Тесная взаимосвязь барина и мужика в рамках имения не могла не отразиться в народном фольклоре. Сказочный барин показан с различных сторон, начиная с образа лентяя, глупца и хозяйственного профана, заканчивая жестоким, властным хозяином, иногда принимавшим справедливые, патерналистские решения применительно к своим «подданным». Создатели сказок уходили от усредненного клише сказочного барина, придавая различные этические, социопсихологические характеристики. Тем не менее сказочный барин всегда один и тот же, а разные сказки и сюжеты показывают лишь отдельные стороны этого типа героя, совокупность их составляет целостный образ [Горностаева, 2003, с. 142]. В контексте данного дискурса необходимо учитывать, что в сказке слово, смысл переводится в образ. Вследствие этого сказка обладает символической структурой, она оперирует не образами (описаниями), а образцами – типами отношений, связей, действий [Там же, с. 143]. Эти образцы отношений сказочного барина, пусть и в сатирическом плане, в той или иной степени отражают поведенческий тип помещика.

Поведенческая типизация образа сказочного барина включает широкий спектр деталей, позволяющий показать его в различных жизненных ситуациях. Автору известно более 100 сказок о барине и мужике, из которых две трети приходится на сюжеты о помещицкой спеси, жадности и глупости, остальные сюжеты связаны с барской жестокостью, властью, бездельем и в весьма небольшом количестве сказок присутствуют определенные симпатии к помещику. Переходя к анализу данных бытовых сказок, необходимо указать, что в народном сознании присутствовал некий набор стандартных ситуаций и их оценок, трафаретных схем («архетипов сознания»), которые накладывались на явление действительности и помогали в них разобраться. Здесь речь идет о «диффузном сознании» – безотчетном перенесении своих собственных представлений, ценностных ориентиров и опыта моделирования поступков и рассуждений других индивидов, «подстановке» своих взглядов, убеждений в сознание окружающих, представителей различных социальных сообществ [Усенко, 1994, с. 28–29]. Аксиологическая категория «диффузное сознание» весьма важна для понимания, какие собственные поведенческие стереотипы и жизненные ценности крестьян в той или иной степени «подставлены» в создаваемые ими художественные образцы – схемы представителей других сословий, в частности помещичьих дворян. Принимая во внимание указанную «диффузию» и жанровую специфику сказок, образ сказочных помещиков был далек от реальных прототипов. Но сама акцептация создателей сказок на отдельных деталях типового поведения барина с учетом «диффузной подставки» показывает, какие жизненные ценности больше всего волновали крестьян во взаимоотношениях с помещиками. Ведь именно отношения противоположных социальных полюсов и действительная логика в целом, а не отдельные фигуры властьпредержащих, подвергаются в сказке художественной оценке и суду [Юдин, 1998, с. 5].

Особую эмоциональную окраску имеют бытовые сказки о барской жестокости и спеси. В сказке «Жалостливая барыня», где указанные нравственные категории лежат в основе сюжета, дискурсом может выступить заключение сказочного героя – мужика: «...она (барыня. – В.Ш.) их людьми не признавала, а скотиной» [Соколов, 1932, с. 49].

Сюжеты в ряде рассматриваемой категории сказок не могут быть ориентированы на вызов смеха у слушателей, а скорее на чувство удовлетворенности свершившимся актом справедливого возмездия в связи с наказанием или смертью жестоких помещиков. Создатели данных сказок наделяли в них бар ценностными жизненными ориентирами, переходящими в знаковые поступки, которые выходят за рамки человеческого восприятия (кормление крестьянками грудью барских щенков; крестьяне пухнут от голода, так как их не пускают работать в поле, а требуют присутствия в поместье или, наоборот, отправляют на барщину в воскресные и праздничные дни) [Там же]. А.И. Кретов обращает внимание, что отдельные бытовые сказки и рассказывались не как сказки, сколько как имевшие место случаи, были [Кретов, 1977, с. 11]. Так, в сказке «О барах» названа конкретная фамилия воронежского помещика Шидловского, причина его убийства крестьянами и наказание последних – ссылка «...людей в Сибирь копать руду в Уральских горах» [Соколов, 1932, с. 47].

В целом же в большинстве сказок о барской жестокости и спеси крестьяне, нередко в рамках трикстериады, ловко обводят вокруг пальца жестоких бар и наказывают их. Например, в сказке «Барин и собака» помещик через суд заставил мужика выполнять функциональные обязанности сторожевого пса, но в итоге хитрый мужик заставил барина лаять собакой в церкви и еще получил от него в подарок корову и два мешка пшеницы [Соколов, 1932, с. 32–36].

Существенное место в рассматриваемых сказках занимают сказки о барских праздности, жадности и лени. Нередко эти нравственно-этические категории в отдельных сказках выступают в качестве синонимов элементов поведенческого кода бар, находящегося в рамках аксиологического дискурса, присваиваемого сказочным героям. Данные категории весьма часто трудно разделить, они органично дополняют друг друга, синергетически создавая целостный портрет сказочного героя. Барские праздности, жадность и лень, как правило, отражены в сюжетном контексте о взаимодействии антагониста (барина) и трикстера (мужика), где последний в ходе хитроумных трюков добивается от помещика всего чего хочет. Это вызывало смех у слушателей, что и является одной из основных целей бытовой сказки. Здесь образ барина нередко доводится до уровня гротеска – высшей ступени преувеличения, переходящего в область фантастики [Пропп, 1976, с. 70]. Чего стоят одни названия сказок: «Как барин лошадей себе из тыквы высиживал», «Как барин телился» [Соколов, 1932, с. 145–150]. Барская жадность, стремление к «быстрым» деньгам хорошо показана в сказке «Барин-кузнец» [Там же, с. 67–68], где барин позавидовал кузнецу: «...живёшь, еще когда-то урожай будет и денег дождёшься, а кузнец молотком постучит – и с деньгами. Дай кузницу заведу» [Там же, с. 67]. Барин завел кузницу, принял заказ от мужика, но у него ничего не получилось, за что был избит мужицкой плетью. После этого он забросил кузнечное ремесло и перестал завидовать кузнецу.

Стремление к «быстрым и легким» деньгам характеризует барина не только как жадного, но и праздного и ленивого. Ничего не умея, он хочет без особых усилий получить хороший доход и жить в свое удовольствие. За комичностью сюжета просматривается желание создателей сказки наделить барина теми жизненными ценностями, которые в их понимании олицетворяли саму сущность «барскости». Крупный этнограф рубежа XIX–XX вв. О.П. Семенова-Тян-Шанская прямо указывает на крестьянские воззрения относительно хозяйственных способностей помещиков: «...крестьяне, по большей части, насмешливо относятся к помещикам-дворянам, к их хозяйственным способностям, совсем в их не веря», продолжая: «Очевидно существует крестьянское эстетическое представление о барине как противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику... По мнению крестьянина, в том именно и заключается смысл быть богатым, – не считать грошей и не марать своего барского достоинства около мелочей хозяйственного обихода...» [Шнейдер, 1908, с. 15–16].

Но всё вышесказанное органично включено в канву сказочного жанра.

В бытовых сказках представлено и «дно» помещного дворянства. То есть низшие подгруппы помещиков, представители которых владели несколькими крепостными и мизерными земельными участками. По внешнему виду их не всегда можно было отличить от крестьян-бедняков и среднего достатка. Данных сказок не большое количество, автору известно 9. Дворяне в лаптях, нанимающиеся к состоятельным соседям-крестьянам [Вернер, 1887, с. 55; Мышецкий, 1896, с. 884; Хлопов, 1903, т. 91, с. 1032–1033] или перебивающиеся с хлеба на воду, вызвали саркастические высказывания мужиков в адрес таких благородных. Ведь с их точки зрения они были лишены всех внешних атрибутов истинной «барскости». Подобные бары не могли не найти отражения в народном фольклоре, в частности в бытовых сказках. Ведь подобные дворяне были заметным явлением в русской деревне. Накануне реформы 19 февраля 1861 г. в России из 253 068 потомственных дворян 109 444 (43,2 %) сами ходили за сохой [Мионов, 1995, с. 125].

В сказке «Бедный барин и мужик» обыгрывается скромная повседневность мелкого помещика с акцентом на не барское меню обеденного стола на фоне относительной зажиточности его ершистого мужика. Мужик, зарезав барана, отказал барину в лице его сына дать мяса к помещицкому столу, «... не захочет дать, заставь его вывести мусор на платину» [Соколов, 1932, с. 108]. Мужик мяса не дал, но согласился вывести мусор. Пришлось барину на обед есть сваренную женой капусту с яйцом. Комичность ситуации заключена в итоговой фразе барина: «Если барин, так уж барин: капусту вилкой буду есть. А мужик мясо, как собака, пусть трескает» [Там же].

Учитывая, что в народных сказках очень четко прослеживается принцип противопоставленности (парных оппозиций), то есть большинство сказочных функций расположено попарно: запрет – нарушение, борьба – победа, преследование – спасение и т. д.; сюжет, сказочное действие подчинены противопоставлению [Горностаева, 2003, с. 136]. В рассматриваемой сказке отчетливо просматриваются парные оппозиции: приказ – отказ, претензии на благородство и всеобъемлющую власть – отсутствие оснований для этого. Авторам сказки было очевидно, что этот сюжет не мог иметь место в реальной жизни, но на то и сказка. Барин остался ни с чем, мужик не уступил ему, и помещику пришлось комично оправдываться перед женой, пытаясь хоть как-то сохранить свое словесное достоинство.

В весьма небольшой части бытовых сказок о барине автору известно всего 4, где явно просматривается симпатия к помещику. Это является отражением широкого спектра включения поведенческих стереотипов, схем взаимоотношений бар с крестьянами в сказки, начиная от жестокости и чванливости, завершая «отеческим», патерналистским отношением. Как справедливо отмечает М.М. Бахтин, в жизни наши реакции относительно конкретного индивида «носят разрозненный характер, суть именно реакции на отдельные проявления, а не на целое человека, всего его...» [Бахтин, 1986, с. 9]. Создатели сказок показывали определённые нравственно-этические человеческие проявления в тех или иных жизненных ситуациях, которые и характеризуют сказочных героев с разных сторон. Проявление неких симпатий к сказочному барину заключено в его конкретном поступке, действии, но не делается широких обобщений, что в целом характерно для сказки. Например, в сказке «Жил был бедный мужик» [Афан., № 499], относящейся к циклу о ловких и удачливых отгадчиках, барин по достоинству оценивает находчивость бедного мужика и с позором прогоняет богатого. В сказке помещик предлагает бедному крестьянину разделить жареного гуся, которого он принес барину, между всеми членами его семьи, но никого не обидеть. Мужик, проявив смекаливость, справился с заданием, за что был одарен вином и хлебом. Богатый мужик, узнав про барские щедроты, тоже пытается при аналогичном задании проявить находчивость, но у него ничего не выходит. Хотя он преподнёс барину пять жареных гусей. Здесь помещик выступает в качестве справедливого хозяина, и именно это должно вызывать к нему симпатии.

Выводы

В русских бытовых сказках тема о барине и мужике занимает одно из главных мест в сюжетной линии. Искать в них отражение исторической реальности бессмысленно. Сказка остается сказкой, где поступки действующих лиц выходят за рамки возможной действительности, находясь на грани фантастики. Тем не менее создатели сказок придавали своим героям узнаваемые черты сословного характера через их поведенческие стереотипы. Все действия сказочных персонажей можно рассматривать как ролевые действия, они не просто действуют, а разыгрывают роли, то есть показывают различные модели поведения [Шинкаренко, 2005, с. 70]. И эти поведенческие модели должны быть узнаваемы. Барин должен быть барином, поп – попом, мужик – мужиком и т. д. Без этого теряется интерес не только к сказочным героям, но и к сюжету в целом. Данная узнаваемость достигалась присвоением сказочным героям определенных социо-психологических ориентиров, характерных для той или иной социальной общности. Но все это ограничено вписывалось в фабулу сказочного жанра. Отсюда сказочный барин не был трафаретным героем, кочующим из сказки в сказку, он был многообразен в своих поведенческих моделях, отражая различные аксиологические установки.

Список литературы

- Аникин В.П. 2004. Русское народное творчество. М., Высшая школа, 735.
- Байбурин А.К., 1993. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., Наука, 240.
- Бахтин В.С. 1987. Русская бытовая сказка. Л., Лениздат: 5–12.
- Бахтин М.М. 1986. Автор и герой в эстетической деятельности. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., Искусство: 9–191.
- Горностаева М.В. 2003. Смысл и социальная реальность: социология структурного психоанализа. М., РИЦ ИСПИ РАН, 236.
- Даль В.И. 1998. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. М., Русский язык, 688.
- Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А. 2019. Скрытое бытие русских сказок. М., Вече, 288.
- Костюхин Е.А. 2004. Лекции по русскому фольклору. М., Дрофа, 336
- Кретов А.И. 1977 О современных записях воронежских народных сказок. Народные сказки Воронежской области. Сост. И.А. Кретов. Воронеж, Изд-во Воронежского университета: 3–14.
- Миронов Г.Е. 1995. История государства Российского. Историко-библиографические очерки. М., Книжная палата, 734.
- Мышецкий В. 1896. Воспоминания. Исторический вестник, 11: 878–907.
- Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. 2014. Сост. А.Н. Афанасьев. М., Изд-во Альфа – Книга, 1087.
- Никифоров А.И. 2008. Сказка и сказочник. Сост. Е.А. Костюхин. М., ОГИ, 376.
- Ожегов С.И. 1990. Словарь русского языка. Ред. Н.Ю. Шведова. М., Русский язык, 917.
- Олсон Л., Адоньева С. 2021. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры деревенской женщины. М., Новое литературное обозрение, 520.
- Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. 1961. Ред. М.Я. Мельц, В.В. Митрофановой. М. – Л., Изд-во Академии наук СССР, 289.
- Пропп В.Я. 1976. Проблемы комизма и смеха. М., Искусство, 184.
- Пропп В.Я. 2000. Русская сказка. М., Лабиринт, 416.
- Пропп В.Я. 1976. Фольклор и действительность. М., Наука, 325.
- Путилин Б.Н. 2003. Фольклор и народная культура; In memoria. СПб., Петербургское Востоковедение, 464.
- Русские народные загадки, пословицы, поговорки. 1990. Сост. Ю.Г. Круглов М., Просвещение, 355.
- Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века). 1971. Ред. Э.В. Померанцевой. Л., Наука, 287.

- Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). 1908. Сост. Н.Е. Ончуков. СПб., Типография А.С. Суворина, 646.
- Соколов Ю.М. 2007. Русский фольклор. М., Московский университет, 544.
- Усенко О.Г. 1994. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь, Тверской государственный университет, 76.
- Хлопов Н. А. 1903. Мужики-дворяне (Бытовой этюд). Исторический вестник, 91: 1030–1036.
- Шинкаренко В.Д. 2005. Смысловая структура социального пространства: миф и сказка. М., КомКнига, 208.
- Шнейдер В.П. 1908. Памяти Ольги Петровны Семеновы. СПб., Типография М.М. Стасюлевича, 22.
- Юдин Ю.И. 1998. Русская народная бытовая сказка. М., Академия, 256.

References

- Anikin V.P. 2004. Russkoe narodnoe tvorchestvo [Russian folk art.]. М., Vysshaja shkola, 735.
- Bajburin A.K., 1993. Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obrjadov [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. SPb., Nauka, 240.
- Bahtin V.S. 1987. Russkaja bytovaja skazka [Russian everyday fairy tale]. L., Lenizdat: 5–12.
- Bahtin M. M. 1986. Avtor i geroy v jesteticheskoy dejatel'nosti. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva [Author and hero in aesthetic activity. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity]. М., Iskusstvo: 9–191.
- Gornostaeva M.V. 2003. Smysl i social'naja real'nost': sociologija strukturnogo psihoanaliza [Meaning and Social Reality: The Sociology of Structural Psychoanalysis]. М., RIC ISPI RAN, 236.
- Dal' V.I. 1998. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. V 4-h t. T. 4. М., Russkij jazyk, 688.
- Ermakov S.Je., Gavrilov D.A. 2019. Skrytoe bytie russkih skazok [Hidden existence of Russian fairy tales]. М., Veche, 288.
- Kostjuhin E.A. 2004. Lekcii po russkomu fol'kloru [Lectures on Russian folklore]. М., Drofa, 336
- Kretov A.I. 1977 O sovremennyh zapisjah voronezhskih narodnyh skazok. Narodnye skazki Voronezhskoj oblasti [About modern recordings of Voronezh folk tales. Folk tales of the Voronezh region]. Sost. I.A.Kretov. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta: 3–14.
- Mironov G.E. 1995. Istorija gosudarstva Rossijskogo. Istoriko-bibliograficheskie ocherki [History of the Russian state. Historical and bibliographic essays]. М., Knizhnaja palata, 734.
- Mysheckij V. 1896. Vospominanija [Memoirs]. Istoricheskij vestnik, 11: 878–907.
- Narodnye russkie skazki. Polnoe izdanie v odnom tome [Folk Russian fairy tales. Complete edition in one volume]. 2014. Sost. A.N. Afanas'ev. М., Izd-vo Al'fa – Kniga, 1087.
- Nikiforov A.I. 2008. Skazka i skazochnik [Fairy tale and storyteller]. Sost. E.A. Kostjuhin. М., OGI, 376.
- Ozhegov S.I. 1990. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Red. N.Ju. Shvedova. М., Russkij jazyk, 917.
- Olson L., Adon'eva S. 2021. Tradicija, transgressija, kompromiss: miry derevenskoj zhenshhiny [Tradition, Transgression, Compromise: The Worlds of a Village Woman]. М., Novoe literaturnoe obozrenie, 520.
- Poslovicy, pogovorki, zagadki v rukopisnyh sbornikah XVIII–XX vekov [Proverbs, sayings, riddles in handwritten collections of the 18th – 20th centuries]. 1961. Red. M.Ja. Mel'c, V.V. Mitrofanovoj. М. – L., Izd-vo Akade-mii nauk SSSR, 289.
- Propp V.Ja. 1976. Problemy komizma i smeha [Problems of comedy and laughter]. М., Iskusstvo, 184.
- Propp V.Ja. 2000. Russkaja skazka [Russian fairy tale]. М., Labirint, 416.
- Propp V.Ja. 1976. Fol'klor i dejstvitel'nost' [Folklore and reality]. М., Nauka, 325.
- Putilin B.N. 2003. Fol'klor i narodnaja kul'tura; In memoria [Folklore and popular culture; In memory]. SPb., Peterburzhskoe Vostokovedenie, 464.
- Russkie narodnye zagadki, poslovicy, pogovorki [Russian folk riddles, proverbs, sayings]. 1990. Sost. Ju.G. Kruglov M., Prosveshhenie, 355.
- Russkie skazki v rannih zapisjah i publikacijah (XVI–XVIII veka) [Russian fairy tales in early records and publications (XVI–XVIII centuries)]. 1971. Red. Je.V. Pomerancevoj. L., Nauka, 287.

- Severnye skazki (Arhangel'skaja i Oloneckaja gg.) [Northern fairy tales (Arkhangelsk and Olonets years)]. 1908. Sost. N.E. Onchukov. SPB., Tipografija A.S. Suvorina, 646.
- Sokolov Ju.M. 2007. Russkij fol'klor [Russian folklore]. M., Moskovskij universitet, 544.
- Usenko O.G. 1994. Psihologija social'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vv [Psychology of social protest in Russia in the 17th – 18th centuries]. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 76.
- Нлопов N.A. 1903. Muzhiki-dvorjane (Bytovoj jetjud) [Men-nobles (household study)]. Istoricheskij vestnik, 91: 1030–1036.
- Shinkarenko V.D. 2005. Smyslovaja struktura social'nogo prostranstva: mif i skazka [Semantic structure of social space: myth and fairy tale]. M., KomKniga, 208.
- Shnejder V.P. 1908. Pamjati Ol'gi Petrovny Semenovoj [In memory of Olga Petrovna Semenova]. SPb., Tipografija M.M. Stasjulevicha, 22.
- Judin Ju.I. 1998. Russkaja narodnaja bytovaja skazka [Russian folk household tale]. M., Akademija, 256.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.11.2022

Received 10.11.2022

Поступила после рецензирования 25.11.2022

Revised 25.11.2022

Принята к публикации 25.11.2022

Accepted 25.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0003-1699-1956](https://orcid.org/0000-0003-1699-1956)